

«ПРЕЖДЕ СМЕРТИ НАИПАЧЕ ВНЕЗАПНЫЯ И НАПРАСНЫЯ»:
ДУХОВНАЯ ГРАМОТА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Духовная грамота первого придворного поэта Симеона Полоцкого (1629–1680) представляет собой уникальный, но малоисследованный документ. Завещание сохранилось в двух списках из собрания графа А. С. Уварова. В известной с XIX в. рукописи № 247 (Л. 9–17)¹, помимо списка духовной грамоты Симеона, содержатся «эпистолия» Сильвестра Медведева и сочиненные им же надгробные стихи Симеону [Леонид, ч. 3, с. 277–278]. Вторая, ранее неизвестная, рукопись № 167 (Л. 28–32)² включает духовное завещание патриарха Адриана, посвященные ему надгробные стихи и «Сказание о новонареченном патриархе» [Леонид, ч. 4, с. 319–320].

Обнаруженный нами второй список духовной грамоты Симеона любопытен тем, что был, по-видимому, сделан с чернового варианта завещания: названия монастырей и имена записаны сокращениями («молю возлюбленного благодѣтеля моего Препод: Г: о: А: А: Б: и прелюбезнаго сожителя и ученика моего с: а:»³), суммы обозначены не прописью, а числами («в М вилен: сошествия святаго духа червон червон К в М минский мт: вер ап петра и павла: червон К въ М дисенский червон 5»⁴). Значительных фактических расхождений между двумя текстами нет, за исключением некоторых мелких изменений, сделанных при переписывании текста «набело». Так, в «черновом» списке отсутствует распоряжение о тюрьмах, завещается один килим вместо двух, на сорокоусты оставляется 80 рублей вместо 60.

В научной литературе упоминание о духовной грамоте Симеона впервые появляется еще в XIX в., в диссертации первого биографа поэта Иерофея Алексеевича Татарского [Татарский, с. 277, 305, 307, 310, 319–326]. Он сделал подробное описание *dispositio* (распорядительной части) завещания, процитировав строки, которые впоследствии стали «классикой симеоноведения» и повторялись во многих работах о творчестве и жизни поэта: «На вся же раздаяния обрѣтается у мене денегъ готовых. Червонныхъ золотыхъ шесть сотъ. копейками рублевъ семь сотъ. Особно росхожихъ мешекъ нецѣлый вынялъ из него рублевъ четыредесять» [Татарский, с. 325]. Распорядительная часть была опубликована почти полностью с подробными комментариями исследователя. И. А. Татарский привел обширные выдержки из преамбулы завещания (он назвал ее «общей частью») и описал ее богословский смысл: «Вступление это обработано в ораторском патетическом роде и настолько обширно и отличительно, что его можно рассматривать как особую общую часть всего духовного завещания. Здесь Симеон излагает свои внутренние побуждения к его составлению и изливает общие благочестивые чувствования, приличные такому торжественному случаю» [Татарский, с. 320]⁵. Уже в XX в. к духовной грамоте поэта обратился С. И. Николаев [Николаев, с. 3–29], прокомментировав слова, касающиеся рукописей Симеона: «Второму устроителю честному отцу силвестру агафониковичю возлюбленному ученику моему рублевъ тридесять. и шубу лисью, и писма моя» (Л. 16). В статье о библиотеке поэта М. А. Юсим использовал завещание Симеона в качестве исторического источника

¹ ГИМ. Увар. № 247–4°. XVII в. Л. 9–17. Далее текст завещания Симеона цитируется по этому списку, листы указаны в тексте в круглых скобках. Расхождения с текстом второго списка приводятся в примечаниях к публикуемому тексту завещания.

² ГИМ. Увар. № 167–4°. XVII в. Л. 28–32.

³ Там же. Л. 31 об.

⁴ Там же. Л. 30 об.

⁵ И. А. Татарский приводит в своей работе обширные выдержки из текста завещания: почти полностью он цитирует преамбулу и исповедание веры; частично приведены выдержки из *dispositio* и заключения.

[Юсим, с. 319, 321]. В частности, исследователь процитировал те распоряжения Симеона, в которых идет речь о книгах, завещанных в Киевский Братский Богоявленский монастырь и в Полоцкий Богоявленский монастырь. Н. А. Робинсон и Л. И. Сазонова в статье «Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого» [Робинсон, Сазонова] обратились к духовному завещанию Симеона как к источнику информации о братьях поэта. Этим, как кажется, исчерпываются сколько-нибудь распространенные обращения к документу, и если богатые сведения «финансового» характера все-таки получили некоторое освещение в работе И. А. Татарского, то литературная форма документа оставалась по преимуществу без внимания. В приложении к данной статье впервые публикуется полностью духовная грамота Симеона Полоцкого.

***

Жизнь Симеона при дворе была полна противоречий: с одной стороны, церковные власти с недоверием относились к монаху-иноземцу, получившему образование в католической Польше, с другой — правящая элита и даже сам царь покровительствовали ученому старцу, доверяя ему воспитание своих детей и давая важные поручения. Формально оставаясь в скромном чине иеромонаха, Симеон фактически выполнял обязанности настоятеля и строителя московского Заиконоспасского монастыря, а также считался придворным проповедником, выступая с проповедями в кремлевских соборах. Примечательна и его повседневная жизнь, демонстрирующая уникальное положение поэта: из челобитных Симеона и из его духовной грамоты известно, что он содержал собственный выезд и слуг не из числа послушников Заиконоспасского монастыря. В духовной грамоте поэта нашли отражение многие аспекты быта Симеона: в ней содержатся сведения о его родственниках (его невестке, братьях и племяннике) и челяди; по лицам и монастырям, которым завещается имущество, можно судить о связях Симеона с церковными властями; завещаемые суммы в рублях и червонных золотых дают любопытную картину финансового и социального положения первого придворного поэта в общественной иерархии Российского государства второй половины XVII в.

Текст духовной Симеона представляет собой интересную смесь канонических формул и сюжетов, характерных для разных сословных групп. Во-первых, в завещании представлены элементы, которые Н. В. Поньрко отметила как традиционные для завещаний духовных лиц: «1) исповедание веры — в начале и 2) просьба о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы (от царя и царской семьи до духовенства и всех прочих людей) — в конце» [Поньрко, с. 381]; во-вторых — обычные для светских лиц «материальный» характер распоряжений и отсутствие духовных заветов, в-третьих — общие для всех сословий устойчивые формулы (например, «своим целым умом») и «манifestация добровольности» написания (у Симеона: «убо извѣствую симъ моимъ добровольнымъ тестаментом» (Л. 10 об.)).

Стандартные формулы преамбулы «здравъ сый милосердиемъ божиимъ и разума цѣлое и совершенное имея употребление» (Л. 10) (литературная перифраза формулы «пишу своим целым умом и своим разумом») и аренги «прежде смерти смерти (так!) наипаче внезапныя и напрасныя» (Л. 10) (эта фраза представляется литературной обработкой формулы «пишу сие рукописание при своем животе») окружены довольно обширным *paratio*. Традиция предварять распорядительную часть завещания некоторым пространством рассказом с привлечением цитат из Библии и включением элементов автобиографичности или наставлений существовала на Руси, в той или иной форме, начиная с раннего Средневековья [Литвина, 2004]. Для XVII в. такие риторические преамбулы довольно характерны для духовных особ: с библейских общих мест и

цитат начинал свое завещание архиепископ Иона («земля еси, и паки в землю пойдеша»⁶ (Быт 3: 19)); епископ Львовский и Галицкий Иосиф (1643–1708) включил в свой testament целые блоки богословского содержания, написанные на латинском языке (завещание составлено на польском языке)⁷. Эта тенденция просматривается преимущественно в завещаниях церковных иерархов и монастырских властей — духовные грамоты иноков и монастырских слуг почти точно повторяют светский формуляр. В завещаниях старца Прилуцкого монастыря Иосифа Коптева от 1608 г. и монастырского слуги Луки Сахарова от 1671 г. представлены стандартный набор формул, перечисление долгов и должников и список послухов, которые «а у сее изустные памяти сидели» («своим целым умом и разумом», «кому мне что дати и на ком мне что взяти»⁸ и «своим целым умом и разумом», «кому что есть мне отдать и на ком что есть не взяти»⁹).

Симеон включил в свою преамбулу несколько традиционных библейских сюжетов и цитат (например, Лк 16: 25: «чадо восприялъ еси благая въ животъ твоємъ» (Л. 9)). Сюжет о возвращении тела в землю после смерти, проиллюстрированный в самом начале преамбулы цитатой из книги Бытия (Быт 18: 27) «Азь же есмь земля и пепель» (Л. 9), далее повторяется еще раз, при указании места погребения: «тѣло же мое окаянное, и замножество грѣховъ и скаредствъ моихъ паче пса согниваго мерзское и смердящее предаю матери всѣхъ из нея же взято бысть» (Л. 11) (ср. с «а тело мое грешное земле, з которое есте сотворенный»¹⁰). Ряд библейских цитат, использованных Симеоном, читается также в завещаниях, которые были предположительно составлены им для митрополита Сарского и Подонского Павла (ум. в 1675 г.) и митрополита Новгородского Питирима (ум. в 1673 г.) [Татарский, с. 102, 110].

Так называемая «духовная грамота митрополита Павла», опубликованная еще в XIX в., любопытна тем, что не содержит имени митрополита. Текст представляет собой формуляр завещания с элегантно составленной преамбулой, включающей библейские цитаты и даже стихи¹¹, с необходимыми исповеданием веры и духовными заветами и с пропусками в нужных местах: «Имения же от Бога врученная ми тако устрою: во храм имярек / на погребение / на поминание / на нищыя / на заключенныя / на монастыри имярек / на училища имярек...»¹².

И. А. Татарский был первым исследователем, который назвал Симеона автором этой духовной грамоты: «Кроме того, в бумагах Симеона находится обширная, составленная им в затейливой ораторской форме духовная Павла, написанная для него Симеоном в 1673 году» [Татарский, с. 110]. Тексты духовной грамоты Симеона и духовной, написанной им для митрополита, обнаруживают большое количество близких сюжетных и текстологических, иногда

⁶ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства (далее — АЮ). СПб., 1838. Т. XXXIII. С. 463.

⁷ Акты, относящиеся к истории Южнозападной Руси (далее — АЮЗР). Львов, 1868. С. 34.

⁸ АЮ. С. 458–459.

⁹ Там же. С. 461.

¹⁰ Бодянский О. Летописец о первом зачатии и создании святыя обители монастыря Густынского в лето бытия мира 7108, от воплощения же бога слова тысяща шестисотное. М., 1848.

¹¹ Смерть бо вся косою лоте сецает,
в темныя гробы всяк сан похищает,
невесть прощати нища и богата,
равне вси смерти посещают врата, —
знаменуют яко
ему же в мир сей внити прилучися,
в смертныя врата ити готовися,
в няже толцаешь, ходище ногама.

(Белокуров С. А. К биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского // Христианское чтение. 1866. № 3–4. С. 612).

¹² Там же. С. 618.

дословных, совпадений: «простити ми согрѣшения моя. Ащеже кого оскорбихъ, всемирно прошу прощения, еже аще ми даруете вамъ отецъ небесный оставить согрѣшения ваша», «яко непоминахъ послѣднихъ, смерти, суда, геенны, и неба» (Л. 16 об., 9 об.) — «аще отпускаете человекомъ согрешения их, отпустит и вам отецъ ваш небесный», «последняя же суть четыре: смерть, суд, геенна и слава небесная» (завещание митрополита Павла)¹³. Нельзя с уверенностью сказать, предназначалось ли это завещание непосредственно для митрополита Павла, или было написано Симеоном в качестве «рабочего образца» — и светские, и духовные лица могли обращаться к более образованным людям (например, митрополитам) для составления духовных грамот¹⁴.

За прамбулой в завещании Симеона следует аренда — обоснование необходимости написания духовной грамоты: «прежде смерти смерти (так!) наипаче внезапныя и напрасныя умножения ради моихъ беззаконий бояся: умыслихъ написа // писати сию духовницу, или тестаментъ рукою моею. да не како аще и неправедное мое есть собрание неправедно погибнетъ. нестяжавшими друговъ пособити могущих во вѣчныя кровы» (Л. 10—10 об.). Имеется здесь и элемент исповеди, покаяния [Понырко, с. 386]: «презрѣхъ звание мое монашеское о мнозѣмъ имѣний пекося. аще нищету при пострижений власявъ главы моя выну хранити обѣщахся» (Л. 9 об.).

Завершает вступительную часть духовной грамоты указание желаемого места погребения: «Мѣсто же идѣже положено имать быти грѣшное мое тѣло желаю да будетъ при храмѣ ближайшемъ жилища моего, или идѣже самъ господь извѣститъ имущимъ е гробу предати» (Л. 11). Формула, содержащая распоряжения такого рода, не являлась обязательным компонентом завещания и варьировалась от текста к тексту. Указания желаемого места погребения встречаются преимущественно в завещаниях духовных особ (у игумена Густынского монастыря Илии Торского (ум. 1645 г.): «тому монастырови густынскому, и мѣстыцу святому, гдѣ и погребень быти маю»¹⁵; у митрополита Киевского Ипатия Потея (1541—1613): «a mestce pohrebowi, ieslibym prestawilsia na Wołyniu, ino u Wołodymery, w sobornou cerkwi pred wraty carskimi mezy ambonom y dwermi: a iesliby na Podlaszu, ino u Berestju w cerkwi sobornou, w prdele Bratskom...»¹⁶), хотя не являются редкими и для завещаний светских лиц (у Ильи Соловьева сына Борщова: «И божия воля станетца, и им меня пожаловать, положить у Спаса и великих чудотворцев»¹⁷; у князя Александра Васильевича Волконского: «И как меня Бог по душу мою сошлет, и прикащиком моим тело мое грешное погresti в Чюдове монастыре»¹⁸). Использованная Симеоном заключительная фраза «или идѣже самъ господь извѣститъ имущимъ е гробу предати» (Л. 11) является, по-видимому, некоторым относительно устойчивым клише (ср.: «И божия воля станетца»¹⁹).

Распорядительная часть духовной грамоты Симеона, характерная по структуре и содержанию для юго-западно-русских тестаментов, значительно отличается от *dispositio* московских завещаний.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие у Симеона вводящей распорядительную часть формулы «кому ми что дати и на ком ми что дати». Эта устойчивая конструкция присутствовала в духовных грамотах практически всех московских сословий в XVI—XVII в. (эта формула встречается в завещаниях монастырского старца, князя,

¹³ Там же. С. 614.

¹⁴ Кроме того, из явочных записей (запись о предъявлении духовной грамоты некоему вышестоящему лицу) становится известно, что митрополиты могли «заверять» завещания.

¹⁵ Бодянский О. Летописец. С. 45.

¹⁶ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (далее — АВК). Вильна, 1908. Т. XXXIII. С. 182.

¹⁷ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — Акты). М., 2002. Т. III. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 45.

думного дворянина, крестьянина) и почти не использовалась в завещаниях, составленных в Юго-Западной России. После свидетельства о вере и указания желаемого места погребения Симеон переходит непосредственно к распоряжениям: «вопервыхъ убо извѣствую симъ моимъ добровольнымъ тестаментамъ, яко вѣрую в бога во троицы святѣй единого... Мѣстоже идѣже положено имать быти грѣшное мое тѣло желаю да будетъ при храмѣ ближайшемъ жилища моего, или идѣже самъ господь извѣститъ имущимъ е гробу предати. Напо // На погребениеже на вся потребы, на трапезы яже вполу сорочины и в сорочины да есть иждивение рублевъ шестьдесятъ» (Л. 10 об. — 11 об.).

Среди московских завещаний этой формулы нет только у высшего духовенства (митрополитов, патриархов), что обусловлено публичным характером их завещаний и необходимостью выдвижения на первый план личности распорядителя не как «владельца и распорядителя имущества», а, прежде всего, как «христианина, подводящего итоги своей земной жизни» [Литвина, 2004, с. 9]. С этим связано и содержание распорядительной части. Так, *dispositio* завещания патриарха Иоакима (1621—1690) касается заветов духовных²⁰, а не материальных; это не завещание-распоряжение, а завещание-наставление, «благочестивая дарственная» [Там же]: «Яко благочестивыя государи и великие князи и вернейшии цари свойственные государию Росиискаго царствия людем всемъ во осмотреливѣстве милосердом всякого чина люди своя мала и велика богата и оубога раба и свободного и всякое лице мужеско и женско да не имеют всякие неправости и обидѣ да свободяють о правосудии же в делах граждански всяческии да попекутся ибо милость и любовь в томъ всякому явять»²¹.

Распорядительная часть духовной грамоты Симеона говорит о последнем как о лице скорее светском, чем духовном: распоряжения об имуществе и денежных сбережениях приводятся непосредственно в самом тексте завещания, причем распоряжения занимают целых пять листов (Л. 11 об. — 15 об.): «В монастырь мгарский рублевъ двадесять. В монастырь густынский рублевъ двадесять. В монастырь кутеевский червонныхъ пятнадцать...» (Л. 12 об.). Примечательно, что Симеон посвящает большую часть своего завещания именно «материальным» распоряжениям, оставляя в стороне «духовные заветы», которые так или иначе присутствовали в духовных грамотах высокопоставленных духовных особ вне зависимости от места их проживания. Так, игумен Густынского монастыря Илья Торский, несмотря на наличие в своем завещании распоряжений вполне «материального плана», все же включает в текст некоторые поучения и духовные заветы: «А набарзѣ упоминаю и богом вѣчне заклинаю, и на судъ его страшны повольваю такового кожного з братии, которы бы мѣль старшого, то есть, игумена... и противъ оному... и раздоры починати чинити, да будетъ ему неблагословение святого отца и пастыря звѣрхнѣшого»²². Единственным примером подобного завета можно считать распоряжение Симеона читать его проповеди из сборников «Обед душевный» и «Вечеря душевная» во время служб в храме Заиконоспасского

---

²⁰ В данном случае термин «духовный завет» используется для обозначения нематериальных распоряжений в завещании и не имеет никакого отношения к духовному завету — типу документа, который отличался от завещания тем, что его содержание не касалось материальных вопросов. Духовные заветы составлялись, в основном, настоятелями или основателями монастырей и отчасти выполняли роль монастырских уставов. Так, игумен Святой Скитской обители Феодосий разделал свой духовный завет на 20 глав, посвятив их поучениям о любви, о смирении, кротости и послушании, о чистоте телесной, о терпении и даже о рукоделии и о различных видах хлеба (Завет духовный в иеросхимонасах Феодосия, игумена бывшего обители Святой Скитской, ко воспоминанию и свидетельству, духовному настоятелю иже по мне сущему игумену, и всем же о Христе Отдем и братьям моим и чадам по духу их же собора благодать божия // АЮЗР. С. 56—98). Завет также включает и устав, или регулу, о «постнической скитской» жизни.

²¹ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. СПб., 1879. С. 120.

²² Бодянский О. Летописец. С. 46.

монастыря: «Книги моихъ грѣшныхъ трудовъ. обѣдъ душевнѣй. и вечера душевная. будутъ во церкви всемилостиваго спаса за ико // за иконнымъ рядомъ, да и по преставлении моемъ чтутся во храмѣ божиемъ» (Л. 15—15 об.). Отсутствие духовных заветов в тестаменте Симеона выглядит весьма необычно, учитывая и высокое социальное положение поэта, и его активное участие в жизни Заиконоспасской обители, и его проповедническую деятельность.

Что же касается московских церковных иерархов, то «духовный» характер их завещаний не исключал необходимости распорядиться имуществом и денежными сбережениями. Для этих целей использовались росписи — дополнительные документы, прилагаемые к духовной грамоте и содержащие подробные распоряжения касательно долгов и должников, завещаемого имущества и денежных сбережений. Тот же патриарх Иоаким завещал в 1694 г.: «На погребение же тела моего и в поминовение души архиереем дати и прочим служителем по росписи»²³; о некоем регистре (regestr) писал и киевский митрополит Ипатий Потей в 1609 г. (завещание написано на польском языке): «на osobliwom regestrze rukoiu moieiu własnoiu pismom polskim naznaczyłem»²⁴ и «a samy hołowny regestr pry testamente moiem»²⁵, в русском переводе завещания того же года: «рычей што где отдано быти мает, на особливо реестре рукою моею власною, писом полским, назначилем»²⁶ и «на том же реестре мое списавши рукою моею, зоставилем»²⁷. Единственная доступная нам на данный момент подобная роспись, не включенная в основной текст завещания, прилагается, однако же, к духовной грамоте думного дворянина В. Я. Голохвастова, составленной 6 декабря 1678 г.: «Роспись что кому отдать заемной ржи и оржаной муки и всякого хлеба / Боярину Ивану Михайловичу Милославскому семдест чети ржи / Боярину князю Григорью Григоревичю Ромодановскому ржи сто чет, / Кнзь Федору Семеновичю Урусову оржаные муки дватцат чети / Оржаного солоду шесть чети явного солода пят чети овса пят чети / Бурному дяку Василью Григорьевичю Семенову ржи шесдесят чети / Григорью Федоровичю Бяшеву ржи тритцать чет / В гсдрво село Павловское ржи тритцать чети / Михаилу Петровичю Беклемишеву ржи десят чети да солоду оржаного чети»²⁸.

Указания на росписи встречаются и у Симеона: когда речь заходит об игумене Полоцкого Богоявленского монастыря и архимандрите печерском, распорядителях в Белой и Малой России, то появляются поручения «роздати противу росписки» и «да по росписке изволить роздати» (Л. 13 об.). Однако здесь «росписи» относятся к представленным в завещании спискам распоряжений касательно Литвы и Белой России и Малой России соответственно.

Заключительная часть духовной грамоты Симеона (конец л. 15 об. — 17) замечательно демонстрирует его двойственное положение при царском дворе — высокий социальный статус в сочетании со скромным чином иеромонаха. Следуя завещательным традициям, принятым в среде высокопоставленных духовных особ, Симеон в то же время несколько видоизменял их в соответствии со своим реальным социальным положением.

С одной стороны, Симеон использовал типичные для завещаний духовных особ элементы: 1) формулу-просьбу о прощении своих прегрешений «Ащеже кого оскорбихъ, всесмирненно прошу прощения, еже аще ми даруете вамъ отецъ небесный оставить согрѣшения ваша» (Л. 16 об.) (в других завещаниях см. у патриарха Иоакима²⁹, густынского игумена Авксентия³⁰);

²³ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. С. 113.

²⁴ АВК. Т. XXXIII. С. 182.

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч. 1. Т. 1. С. 391.

²⁷ Там же.

²⁸ Котков С. И. Московская деловая письменность XVII века. М., 1968. С. 195.

²⁹ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. С. 107, 109.

³⁰ Бодянский О. Летописец. С. 61.

2) традиционное предостережение-заклятие тем, кто отважится не соблюсти его последнюю волю: «Ащеже кто дерзнетъ препятити нѣкое исполнению воли мояе творити, или коимъ либо обычаемъ пакостити, да мститъ ему десница вышняго в семь и будущемъ вѣце» (Л. 16); 3) свидетельство о собственноручном написании завещания вместо сообщения о писце (обычно служка или подьячий): «Писалъ симеонъ петровский ситняновичъ, иеромонахъ недостойный рукою своею» (Л. 17) (таким же образом «заверили» свои завещания игумен густынский Илия Торский: «Сотворыхъ съи мой тестаментъ с доброй моеи воли... с подписомъ руки моеи и с приложениемъ печати»³¹, и патриарх московский Иоаким: «Подписа сие своею рукою, сие Иоакимъ патриархъ Московский, и всея Росии»³²); 4) двойную датировку написания завещания, от сотворения мира и от Рождества Христова, и формульное указание места написания: «Писася сия духовная в царствующемъ и богоспасаемомъ граде москвѣ, въ лѣто от создания мира, 7187. году. а от рождества еже по плоти христа бога нашего. 1679, месяца мар // марта въ, 14 день» (Л. 16 об. – 17).

С другой стороны, Симеон, в отличие от патриархов, не адресовал свою духовную грамоту царю как исполнителю его последней воли (как это сделал, например, патриарх Иоаким: «молю и прошу благочестивейшия великия государи цари и великия князи Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы и весь освященный соборъ священнейшихъ архиереевъ и протчихъ священнослужителей да предастся тело мое сродней земли и погребутъ оно во святей пречесней обители Господня Преображения близ сего царствующаго града Москвы у Спаса на Новомъ»³³ или «да посему моему заветному писанию они великия государи все да исполнять»³⁴). К духовной Симеона не прилагались стандартные для всех остальных сословий перечень свидетелей-послухов и явочная запись; имеется лишь короткое указание на то, что завещание было представлено патриарху и одобрено им: «сие мое имѣннѣе, получивше благословение от святѣйшаго патриарха»³⁵ (Л. 16). Симеон все же назначил приказчиков: «Сие убо о моемъ стяжании устроение по моемъ от сего мира отшествии имѣти желая. молю возлюбленнаго благодѣтеля моего преподобнѣйшаго господина отца Амвросия архимандрита богоявленскаго. и прелюбезнаго сожителя и ученика моего Силвестра Агафониовича» (Л. 15 об.). Можно предположить, что архимандрит богоявленский Амвросий (архимандрит с 1675 по 1685 г. [Строев, с. 176]) — это архимандрит Богоявленского монастыря в Москве, в Китай-городе. Отношения архимандрита Амвросия и Симеона в конце жизни последнего подробно описал И. А. Татарский: «Из всех прежнихъ благоприятелей его (Симеона. — А. П.) в живыхъ находился только настоятель Богоявленскаго монастыря, архимандрит Амвросий, для котораго он в прежнее время составлялъ иногда церковныя поучения и с которымъ у него поддерживались теперь самыя близкия дружественныя отношенія» [Татарский, с. 305].

Интересно, что Симеон не соблюдает ранней традиции, согласно которой упоминаемые в духовных грамотах лица именовались с максимальной полнотой [Литвина, 1979, с. 578]. Не указаны имена архимандрита Киевскаго Печерскаго монастыря (Симеон пишет: «Вся яже в киевъ отчетше послати нѣмъ извѣстнымъ преподобнѣйшему господину отцу архимандриту печерскому») и игумена Полоцкаго Богоявленскаго монастыря (на 1679–1680 г. архимандритомъ Киевскаго Печерскаго монастыря был один из корреспондентовъ поэта — Иннокентій Гизель³⁶), а духовный

---

³¹ Там же. С. 47.

³² Житие и завещание святейшаго патриарха московскаго Иоакима. С. 139–140.

³³ Там же. С. 111.

³⁴ Там же. С. 115.

³⁵ В 1679 г. патриархомъ Московскимъ былъ Иоакимъ (в миру Иванъ Петровичъ Савелов-первый), годы патриаршества: 1674–1690 г.

³⁶ Известны несколько посланий Симеона Иннокентію Гизелю [Подтергера].

отец Симеона Ипполит назван только по имени, без уточняющих деталей. В более ранних духовных грамотах, составленных в XV–XVI в., также не всегда указывалась дополнительная информация о духовном отце (ср., например: «К сей духовной отец его духовной поп Никита руку приложил»³⁷), однако встречаются и более детальные именованья: «И отец духовной Иван поп Бука ник[ольский]»³⁸, «да отцу своему духовному печенскому игумену Васьяну»³⁹. Полное именованье духовного отца встретилось только в двух завещаниях монашествующих лиц конца XVI – начала XVII в.: «А у духовной седел отец мой духовной священник Иона черной Святого Чюдотворца Николы Золотницкой волостке»⁴⁰ и «отец мой духовной Прилуцкаго монастыря черной священник Трифан»⁴¹.

***

Традиционным для духовных особ образом завещанное Симеоном имущество распадается на личные вещи и денежные сбережения (завещания служилых землевладельцев, к примеру, касаются преимущественно земельных владений и долговых обязательств). Духовная грамота поэта не дает исчерпывающих сведений ни об общей завещанной сумме, ни о некоторых деталях предполагаемых расходов: по-видимому, Симеон допустил ошибку в расчетах, завещав больше червонных золотых, чем у него имелось (завещано 765 золотых вместо указанных в тексте 600)⁴²; не указал Симеон размер жалования «челяди» и само количество слуг⁴³, что делает невозможным подсчитать общую завещанную сумму в рублях; не совсем ясны и распоряжения, касающиеся некоего Филиппа Тарасова, деньги которого находились у Симеона «в положении» (то есть на сохранении. — А. П.) и которые надлежало отдать в целости их владельцу: «Денги филиппа тарасова у мене в положении червонныхъ золотыхъ двадесять слишком. ефимковъ нѣколико, при них мое есть писемце, отдати ему вцѣлости» (Л. 14 об.); и, наконец, вызывает вопросы и распоряжение «Заставы аще кия обрящутся у мене, отдавати туне» (Л. 14 об.) — беспроцентно отдавать денежные залоги, которые у него имелись.

Несмотря на неточности в расчетах и неясности в распоряжениях, духовная грамота Симеона все же позволяет сделать определенные выводы о его финансовом положении. За годы «царской службы» в качестве придворного поэта Симеоноу удалось скопить значительное по тем временам состояние: «Червонныхъ золотыхъ шесть сотъ. копейками рублевъ седмь сотъ» (Л. 15). Кроме этих денег Симеон указал и на «особно росхожихъ мешекъ (кошелек⁴⁴. — А. П.) нецѣльый выняль из него рублевъ четьредесять» (Л. 15).

Основной денежный доход Симеона составляло царское жалование, о размере которого становится известно из его посланий и челобитных⁴⁵, написанных на царское имя. Так, одна из

³⁷ Акты. С. 426.

³⁸ Там же. С. 382.

³⁹ Там же. С. 360.

⁴⁰ АЮ. С. 458.

⁴¹ Там же. С. 459.

⁴² Остается открытым вопрос о том, каким образом Симеоноу удалось скопить такую сумму в червонных золотых. Вполне возможно, что он давал деньги в рост (см. о деньгах Филиппа Тарасова и о залогах). Также возможно, что червонные золотые все-таки могли использоваться в России в качестве платежного средства и могли быть обменены на рубли, и наоборот. В таком случае оставшиеся неизрасходованными 198 рублей составили бы недостающие 165 золотых (1 червонный золотой = 1 рубль 20 копеек).

⁴³ Нужно отметить, что эти люди не были из числа насельников Заиконоспасского монастыря, что еще раз подтверждает уникальность социального положения Симеона. Трое человек прислуги упоминаются в челобитной Симеона от 1670 г. в которой Симеон говорит о том, что государь пожаловал его самого «и съ людми моими тремя человеки кормомъ и питіемъ» (см.: РНБ. Ф. XVII. № 83. Л. 72; ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 181 об. — 182).

⁴⁴ Трудно сказать, был ли это именно кошелек — даже 40 рублей копейками по весу составляли примерно 1200 граммов.

⁴⁵ Девять челобитных Симеона находятся в рукописи ГИМ. Синод. собр. № 130 (Л. 181–185).

челобитных⁴⁶ позволяет установить размер жалования Симеона: поэту было назначено 5 алтын (15 копеек) в день, что составляло 54 рубля годового оклада. Примерно равные с Симеоном оклады получали также и некоторые стольники⁴⁷. Однако при подсчетах следует учитывать тот факт, что жалование могло быть назначено Симеону не сразу (А. Н. Робинсон отмечал, что в первые годы по приезде в Москву Симеон находился в крайне бедственном положении [Робинсон, с. 9]).

Возможно, Симеон мог получать и разовые денежные пожалования от государя, однако и у И. Е. Забелина, и в «Дворцовых разрядах» описаны иные награды: «В расходной книге Казеннаго приказа под этим числом 1667 года записано между прочим: “Учителю старцу Семиону Полотцкому 10 аршин атласу зеленого по двадцати по шести алтын по 4 деньги аршин, да ему же велено дать испод соболей в 60 рублей, и ему дан сорок соболей в 60 рублей; а пожаловал государь его по своему государеву имянному указу для того: в нынешнем в 176 году Сентября в 7 день был у великаго [так!] сударя у стола в Грановитой полате и великому государю говорил речь”» [Забелин, с. 187] и «учителю старцу Симеону да учителю ж Мелетию: четыре головы сахару, весом по три фунта голова; по два блюда сахаров узорочных, по полфунту; сахаров леденцов и конфетов по два блюда, по полфунту; сахаров зеренчатых по блюду; ягод винных, фиников, по фунту на блюде; по трубочке корички, весом против блюд троицкого и чудовского архимандритов»⁴⁸.

Сбережения Симеона содержались в разной монете: в серебряных рублях копейками и в червонных золотых. Червонные золотые («угорские», то есть венгерские, дукаты или флорины) представляли собой золотую монету, которая во второй половине XVII в. была в обращении на территории Украины [Бектинеев, с. 247], но в России не использовались в качестве платежного средства. Золотые и серебряные иностранные монеты являлись источником драгоценных металлов и участвовали в накоплении сокровища: золотыми монетами царь награждал бояр, дукаты вкладывались в монастыри (во «Вкладной книге» московского Новоспасского монастыря имеется запись от 1634 г. о том, что «изволил Государь приложил к образу Преображения господня три золотых»⁴⁹), где их впоследствии переливали для золочения икон и утвари. Монастыри также покупали золотые и серебряные монеты в казну, «в общее сокровище»: в 1547–1548 г. Софийский новгородский дом купил несколько «угорских золотых» по 20 алтын и корабленников (корабельник, то есть монета с изображением корабля, английский нобль. — А. П.) по 36 алтын; Тихвинский монастырь в 1631 г. купил «в казну 3 ефимка. Ефимок по 15 алтын 4 деньги»⁵⁰. «Курс» червонного золотого в 1670–1690 г. (на территории Украины) составлял примерно 1 рубль 20 копеек [Котляр, с. 239].

***

Приводимая ниже таблица позволяет наглядно представить распоряжения Симеона, касающиеся его денежных сбережений. Серебряные рубли и червонные золотые расписаны отдельно, указаны общие суммы в рублях и червонных золотых и их соотношение с имеющимися у Симеона «готовыми деньгами».

---

⁴⁶ ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 181–181 об.

⁴⁷ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 24. Для более точного представления о размере годового жалования Симеона и о ценах на товары приведем некоторые данные из расходно-приходных книг монастырей за XVII в.: возок — 5 рублей 16 алтын 4 деньги; бочка рыбы лососей — 2 рубля 10 алтын; стопа бумаги писчей — 11 алтын; конь — 1,5 рубля; один стог сена — 2 рубля 6 алтын (см.: Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 48, 76).

⁴⁸ Дополнения к Тому III-му дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 474.

⁴⁹ Леонид, архим. Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 13.

⁵⁰ Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. С. 48.

Таблица 1.

Завещанные Симеоном суммы в серебряных рублях и червонных золотых

<u>Рубли</u>	<u>Червонные золотые</u>
На погребение .....60 р.	В Полоцкий Богоявленский м-рь.....200 з.
Нищим .....30 р.	В Печерский м-рь.....100 з.
На сорокоусты.....60 р.	В Киевский Братский м-рь.....100 з.
В Заиконоспасский монастырь, на утварь.....30 р.	В киевские м-ри.....50 з.
В Заиконоспасский монастырь, братии.....20 р.	В Межигорский м-рь.....20 з.
В Мгарский м-рь.....20 р.	В Кутеинский м-рь.....15 з.
В Густынский м-рь.....20 р.	В Кутеинский женский м-рь.....10 з.
В витебский Марков м-рь.....10 р.	В Николо-Греческий м-рь.....10 з.
В Новодевичий м-рь.....12 р.	В Виленский м-рь.....20 з.
В другие московские м-ри.....50 р.	В Минский Петропавловский м-рь.....20 з.
Духовному отцу Ипполиту.....10 р.	В Дисненский м-рь.....5 з.
В тюрьмы.....10 р.	В Миорский м-рь.....5 з.
Племяннику Михаилу.....100 р.	Брату Иоанну.....100 з.
Его матери Ирине.....10 р.	Брату Луке.....100 з.
Архимандриту Амвросию.....30 р.	Архимандриту саввинскому.....10 з.
Сильвестру Медведеву.....30 р.	
Челяди.....?	
Итого: ~ 502 рубля	Итого: 765 золотых
Остаток: 198 рублей (165 золотых)	Не хватает: 165 золотых
Имелось: 700 рублей	Имелось: 600 золотых

Суммы в рублях предназначались родственникам и близким людям Симеона, на погребение и связанные с этим расходы (на сорокоусты, на трапезы, на милостыню) и, наконец, на вклады в монастыри. Духовному отцу Симеона Ипполиту завещалось 10 рублей, племяннику Михаилу — 100 рублей, его матери, невестке Симеона, — 10 рублей, челяди — по рублю «свыше заслуженного», распорядителям: архимандриту богоявленскому Амвросию — 30 рублей и любимому ученику Симеона Сильвестру Медведеву — 30 рублей.

Примечательно, что из московских монастырей Симеон называет только два: Николо-Греческий (в который предназначался вклад в червонных золотых) и Новодевичий (вклад в 12 рублей), остальные же московские обители не названы: «Во иныя монастыри в десять дати по рубль пяти. и всего будеть рубльв пятьдесятъ» (Л. 13)⁵¹. Вклады в рублях надлежало сделать также в монастыри Мгарский, Густынский и витебский Марков (по 20, 20 и 10 рублей соответственно). На момент составления завещания, то есть на 1679 г., Мгарский и Густынский монастыри находились на территории, присоединенной к России по Андрусовскому договору 1667 г. Витебск, однако, присоединен не был, и возможно, что деньги в рублях предназначались для приезда некоего духовного лица этой обители в Москву.

Сумма на погребение составила 150 рублей: «На погребение же на вся потребы, на трапезы яже вполу сорочины и в сорочины да есть иждивение (материальные средства. — А. П.) рубльв шестьдесят; Сорокоусты устроить во храмъхъ четьредесятихъ, дати вездѣ по полтора рубля и будеть всего рубляй шестьдесятъ» (Л. 11 об.); «В богадѣлни роздати рубльв десять. В тюрьмы рубльв десять» (Л. 12). Также завещалось изготовить для Заиконоспасского монастыря в

⁵¹ Ср. с распоряжением в завещании патриарха Иоакима: «По соборнымъ же церквамъ священнослужителемъ и по монастыремъ где прилично, давать ис казны сорокоусты въ поминовение по обычаю прежнему» (Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. С. 114).

Москве «потиръ, блюдо, лжицу, звѣзду и копие» (Л. 11 об.) и ризы, на что оставлялось 40 и 30 рублей соответственно.

Червонные золотые Симеон приготовил для вкладов в ряд монастырей на территории современных Украины и Белоруссии (полоцкий Богоявленский, Кутеинские мужской и женский, Виленский Святодухов, минский Петропавловский). Также приказчикам было необходимо передать червонные золотые брату Симеона Иоанну (100 червонных золотых), брату Луке (100 червонных золотых) и уроженцу Полоцка архимандриту саввинскому Сильвестру Чернецкому (ум. в 1706 г.) (10 червонных золотых). Исходя из небольших сумм в червонных золотых (к примеру, троцкий архимандрит Вонифатий Янушковский завещал 1000 червонных золотых на постройку алтаря⁵² и помимо этого — суммы в червонных золотых отдельным лицам), завещанных в Николо-Греческий монастырь в Москве и архимандриту Сильвестру Чернецкому, можно предположить, что в этих случаях золотые выступали не в качестве платежного средства, а в качестве сокровища или источника драгоценных металлов (см. выше).

Выбор Симеоном тех или иных монастырей был неслучайным. Во все время своего пребывания в Москве Симеон продолжал поддерживать контакты с монастырями Юго-Западной России. Известно, что Симеон оказывал посильную помощь духовным лицам — выходцам из монастырей Белоруссии и Украины: в одном из писем Симеона речь идет о помощи старцам из Манявского Кресто-Воздвиженского монастыря (Манявского скита), разрушенного турками в 1676 г.: «Ему же (отцу Варфоломею. — А. П.) аз многогрешный, елико могох, похвалением обители у вельмож пособие творих, чая от вашего преподобия воздаяния молитв святых от оставлении согрешений моих»⁵³.

Симеон состоял в переписке с настоятелями многих обителей, указанных в его духовной грамоте. Так, известны послания Симеона архимандриту Киевского Печерского монастыря Иннокентию Гизелю (1600—1683)⁵⁴; игумену Киевского Братского училищного Богоявленского монастыря на Подоле (основан в XVI в.) Лазарю Барановичу (1616—1693, игумен с 1650 г.)⁵⁵; игумену Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (основан в XI в.) Варлааму Ясинскому (1627—1707)⁵⁶; игумену этой же обители Мелетию Дзику (ум. в 1682 г.)⁵⁷. Кроме того, Иннокентий Гизель (игумен с 1650 по 1652 г.), Лазарь Баранович (игумен до 1657 г.) и Мелетий Дзик (игумен в конце XVII в.) были игуменами Киевского Кирилловского монастыря. Что касается мужского Кутеинского монастыря, то в письмовнике Симеона (ГИМ. Синод. собр. № 130) имеется его письмо к архимандриту этой обители с просьбой принять в монастырь брата Симеона Исакия⁵⁸.

Также выбор может быть связан и с так называемыми «выходами иноков на царское имя из Белой Роси». Пять указанных монастырей в духовной грамоте (Кутеинские мужской и женский, Густынский Прилуцкий, Мгарский и Межигорский) известны тем, что их насельники в середине XVII в. целыми колониями перебирались в Москву. По указу царя они селились в московских обителях, в частности, белорусские колонии существовали в Новодевичьем (в который Симеон завещал 12 рублей), Заиконоспасском, Саввино-Сторожевском монастырях.

Родственники Симеона, указанные в его завещании, — это его племянник Михаил (сын брата Симеона Сильвестра), его мать (и, соответственно, невестка Симеона) Ирина

---

⁵² АВК. Т. XI. С. 233—235.

⁵³ ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 116—117.

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 381. № 390. Л. 107, 110; ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 107—107 об., 111—111 об., 112.

⁵⁵ См. ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 75—75 об., 76 об. — 77, 79 об. — 80 об., 86 об. — 87, 96; РГАДА. Ф. 381. № 390. Л. 107 об.

⁵⁶ См.: РГАДА. Ф. 381. № 390. Л. 105 об. — 106 об., 107 об. — 108, 108 об. — 109, 109 об. — 110.

⁵⁷ См.: Там же. Л. 105.

⁵⁸ ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 109—109 об.

Афанасьевна и братья Симеона Лука и Иоанн. Из текста завещания становится известно, что Михаил действительно жил вместе с Симеоном: «Племяннику моему михаилу силвестровичу при мнѣ жившему» (Л. 14). О месте жительства Ирины Симеон ничего не говорит, но вряд ли это был дом поэта на территории Заиконоспасского монастыря.

Помимо денежных сбережений Симеон завещал и свои личные вещи, для которых при его жизни потребовался погреб: в одной из челобитных царю Алексею Михайловичу Симеон указывает, что был пожалован «въ то же обители в (Заиконоспасском монастыре в Москве. — А. П.) погребомъ въ городской стѣнѣ ради сохранения моих вещей»⁵⁹. Для сравнения, патриарх Иоаким указывал в завещании среди своих «келейных вещей» только «денги и одежды»⁶⁰.

Из вещей у Симеона имелись «мѣдь и цына» (медная и оловянная посуда. — А. П.), два килима (тонкие ковры. — А. П.) и ковер, мантия, две шубы, книги и рукописи, подризник, поручие и епитрахиль. «Требникъ киевский (возможно, Требник Петра Могилы 1646 г. — А. П.), коверъ, подризникъ, епитрахиль, поручие» (Л. 12), которые Симеон привез с собой из Полоцка, надлежало вернуть в Полоцкий Братский Богоявленский монастырь. Лучшая мантия была завещана духовному отцу Ипполиту; шуба кунья — архимандриту богоявленскому Амвросию; шуба лисья — Сильвестру Медведеву. Прочие вещи, не перечисленные в завещании, предполагалось «по разсуждению раздать между братиею и на нищия» (Л. 14 об.).

Также у Симеона имелся и собственный выезд — «Лошадь со всѣмъ» (Л. 14), которая по завещанию должна была отойти племяннику Симеона Михаилу. По-видимому, выезд принадлежал самому Симеону, а не монастырю, так как поэт считает возможным завещать его как свою собственность. Настоятелям монастырей из Юго-Западной России также случалось завещать «коней с возом», как, например, Илии Торскому⁶¹, но Симеон не был настоятелем монастыря. Из двух челобитных поэта известно, что содержание лошади — «кормъ лошадейный, сено из луговъ коломинских и овесъ из двора житнаго»⁶² — Симеон получал с царского двора.

Среди завещанных Симеоном вещей значилась и его обширная библиотека, которая, по распоряжению поэта, почти полностью должна была вернуться в Киев и Полоцк. Книги латинские предназначались в библиотеку Киевского Братского монастыря, а книги польские и русские — в Полоцкий Братский Богоявленский монастырь. В Москве Симеон предполагал оставить «Венец веры», который был завещан архимандриту Саввино-Сторожевского монастыря Сильвестру, и два сборника проповедей, «Обед душевный» и «Вечерю душевную», которые необходимо было оставить в храме Заиконоспасского монастыря. Свои «писма» (рукописи. — А. П.) поэт оставлял ученику Сильвестру Медведеву. После смерти Симеона в 1680 г. славянские рукописи (по большей части) оказались в Синодальной библиотеке, а рукописи на латинском языке — в Типографской библиотеке, а затем в РГАДА [Юсим, с. 316].

Формуляр завещаний духовных особ XVII в. представляет собой еще далеко не полностью исследованный сюжет. Духовная грамота Симеона, равно как и еще три составленных им завещания, не только демонстрирует влияние разнообразных образцов частного деловой письменности, но и сама оказывает воздействие на становление канона путем отбора определенных формул, цитат и сюжетов. Однако формуляр духовной Симеона значительно отличается от духовных церковных иерархов XVII в. уже тем, что в распорядительную часть духовной включается подробная роспись завещаемого имущества. *Dispositio* же дает много ценных сведений о социально-финансовом положении первого придворного поэта и о его круге общения. Дальнейшее исследование духовной Симеона и трех составленных им для других лиц завещаний в контексте духовных церковных властей Юго-Западной России может привести к интересным выводам о влияниях и становлении языковой формы деловых текстов.

⁵⁹ Там же. Л. 181.

⁶⁰ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. С. 113.

⁶¹ Бодянский О. Летописец. С. 45.

⁶² ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 182 об. — 183.

Литература

- Бектинеев Ш. И.* Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Минск, 2014.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. I. Ч. 2.
- Котляр М. Ф.* Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV–XVII ст. Киев, 1981.
- Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова в 4-х частях с 13-ю снимками. М., 1894. Ч. 3–4.
- Литвина А. Ф.* «Своим целым умом»: пути проникновения формулы в восточнославянские документы // Балто-славянские исследования. М., 1979. С. 570–583.
- Литвина А. Ф.* Жанр автобиографической преамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // Славяноведение. 2004. № 4. С. 3–27.
- Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах (XVII–XVIII вв.). Л., 1989.
- Подтергеря И. А.* Письмо и послания Симеона Полоцкого. АҚД. СПб., 2000.
- Поньрко Н. В.* Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 379–387.
- Робинсон А. Н.* Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.
- Робинсон А. Н., Сазонова Л. И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература. Л., 1988. С. 134–141.
- Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Татарский И. А.* Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886.
- Юсим М. А.* Книги из библиотеки Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVII. С. 312–327.

ГИМ. Увар. собр. № 247.

Духовная грамота Симеона Полоцкого передается по «беловому» списку с сохранением ъ и ѿ, раскрытием титлов, внесением выносных букв в строку. Буквенная цифирь записана арабскими цифрами. Разделение слов и знаки interpункции сохранены в оригинальном виде.

(Л. 9) Списокъ с духовные иеромонаха симеона полотцкаго. /

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа / Аминь. / Помянухъ пророка воиюща: азъ /
 есмь земля и пепель. и инаго / глаголюща, яко цвѣтъ увядаетъ / и яко кринь мимо грядетъ /
 разрушается всякъ человекъ, абие /
 5 возмутихся умомъ, и страхъ / смерти нападе на мя, трепет / и ужасъ объятъ сердце мое яко /
 непоминахъ послѣднихъ, смерти, / суда, геенны, и неба. и жихъ / аки никогдаже долга смерти /
 имѣяй воздати. и ждихъ / вся дни живота моего во сла/стехъ и страстехъ забывъ ре/ченнаго к
 богатому авраамомъ: / чадо восприялъ еси благая въ / животѣ твоємъ. и
 10 блаженным / августиномъ вѣчной преданнаго / памя // (Л. 9 об.) памяти изречения оного: нѣ/сть
 лѣтъ чрево в мирѣ сласть/ми исполняти и в небѣ царствия / вѣчнаго сподоблену быти. за/блудихъ яко
 овча погибшее / в пустыни мира сего, прило/жихся скотомъ несмысленнымъ / и уподобихся
 имъ скотцкимъ / моимъ житиемъ. презрѣхъ / звание мое монашеское о
 15 мно/зѣмъ имѣний пекохся. аще / нищету при пострижений вла/совъ главы моя выну хра/нити
 общахся. согрѣшихъ / господеву моему беззакония моя / азъ знаю и грѣхъ мой пре/до мною
 есть выну. обаче / не отчаяваюся ради бездны грѣ/ховъ моихъ, взираю бо на без/дну милосердия
 божия, иже сниде / с высоты небѣсныя коежебы грѣ/шныя призвати к покаянию. /
 20 и вижду яко силенъ есть / и хоцетъ вящшая простити / неже // (Л. 10) неже азъ вѣдехъ и могохъ
 со/грѣшити. уповаю убо на его / божественное благоутробие, и не/исповѣдимое милосердие, и чаю
 яко / согрѣшивша мя паче числа / песка морскаго, кающажеся / от вся души моя, яко да/вший
 намъ образъ покаяния / каяхуся. давидъ, манасий, мы/тарь, блудница, и
 25 прочии не / отринетъ от наслѣдія небесна/го, но части спасаемыхъ объ/щника сотворить. Тѣмъ
 же / азъ многогрѣшный рабъ божии, / симеон петровский ситня/новичъ иеромонахъ монастыря по/
 лотцкаго святыхъ богоявлении / господнихъ здравъ сый милосердиемъ / божимъ и разума
 цѣлое и совер/шенное имѣя употребление, / прежде смерти смерти
 30 наипа/че внезапныя и напрасныя / умножения ради моихъ безза/коний бояся: умыслихъ на/писа //
 (Л. 10 об.) писати сию духовницу, или те/стаментъ рукою моею. Да не / како аще и неправедное
 мое / есть собрание неправедно поги/бнетъ. нестяжавшими дру/говъ пособити м о г у щ и х
 во / вѣчныя кровы. вопервыхъ / убо извѣствую симъ моимъ /
 35 добровольнымъ тестаментомъ, / яко вѣрую в бога во троицы / святѣй единаго, по научению /
 самого христа спасителя и бога / нашего, по проповѣданию святыхъ / апостол[о]въ, и якоже святии
 отцы / на седми святыхъ вселенскихъ / соборехъ духомъ святымъ собра/нии и наставлении
 научиша / ничесоже дерзая проложити / или отяти, стою вѣрою до /
 40 послѣдняго издыхания моего / пребываю яко истинный / сынъ святыя восточныя со/борныя и
 апостольския церкви. / а вегдаже грѣшная моя душа / разрѣ// (Л. 11) разрѣшится от союза плоти
 сея, / вручаю ону прмилосердаго бога соз/давшаго ю непобѣдимому бла/гоутробию. да
 45 приметъ ю ми/лостивно въ божественныя си / руцѣ яко дѣло свое. тѣло /
 же мое окаянное, и замноже/ство грѣховъ и скаредствъ мо/ихъ паче пса согнившего мер/зское и
 смердящее предаю ма/тери всѣхъ изнеяже взя/то бысть. чая оттуду во по/слѣднее трубоглашение
 востати. / одаждь христе боже во твое стрѣ/ние на воздухъ со всѣми святы/ми твоими. / Мѣсто
 же идѣже положено и/мать быти грѣшное мое тѣ/ло желаю да будетъ при
 50 хра/мѣ ближайшемъ жилища мо/его, или идѣже самъ господь / извѣститъ имущимъ е гро/бу предати.
 / На по // (Л. 11 об.) На погребение же на вся потребы, / на трапезы яже вполу соро/чины и в
 сорочины да есть / иждивение рублевъ шестьдесят. / Нищимъ роздати рублевъ / тридесять. /
 Сорокоусты устроити во хра/мѣхъ чотыредесятихъ, да/ти вездѣ по
 55 полтора рубля / и будетъ всего рублѣй шесть/десять. / В монастырь всемилостиваго спаса /
 что за иконнымъ рядомъ здѣ/лати в церковь ризы в рублев / чотыредесять. Потиръ, блю/до,
 лижу, звѣзду и копие / съдѣлати в рублѣй триде/сять. / В томъ же монастырѣ роздати /
 братии рублевъ двадесять. / В монастырь // (Л. 12) В монастырь полоцкии святыхъ
 60 бого/явлении господнихъ во общее со/кровище (тамо бо постригохся) / дати чрезъ извѣстныя люди,
 / пачеже нарочно послати вѣ/сть въ монастырь да придетъ / кто от нихъ вѣрный имъ же / преслати
 въ монастырь червонныхъ / золотыхъ двѣсти. требникъ / киевский, коверъ, подризникъ, /
 епитрахиль. поручие. сия бо / вся у мене бяху того монастыря. / В киевъ в

монастырь печерский по/слати червонныхъ золотыхъ сто. / В братцкии монастырь киевский 65
чер/вонныхъ золотыхъ сто. И / книги моя латинския тамо / отдати во вивлиофеку. / В киевъ
же в монастыри сия: в со/фийский, в николаевский, в михай/ловский, в кириловский, въ вы/дуби//
(Л. 12 об.) дубитцкии, в печерский девический, / в троицкий иже в печерскомъ. / въ
ерданский в дѣвический ми/хайловский. В дѣвический иже / у флора и лавра, дати попя/ти 70
червонныхъ золотыхъ, / на вся сия пятьдесятъ червонныхъ. // В межигорский монастырь червон/
ныхъ двадесять. / В монастырь мгарский рублевъ / двадесять. / В монастырь густынский
рублевъ / двадесять. / В монастырь кутеевский червонныхъ /
пятнадцать. / В монастырь кутеевский же девиче/ский червонныхъ десять. / В монастырь 75
витепский марков/ский // (Л. 13) ский рублевъ десять. / На москвѣ в монастырь николаевский / идѣже
обитають грекове / червонныхъ десять. / В новодѣвичь монастырь рублевъ / дванадесять. /
Во иныя монастыри в десять / дати по рублей пяти. и все/го будетъ
рублевъ пать/десять. / Отцу моему духовному иппо/литу рублевъ десять и ман/тия лутчая. / 80
В монастырь виленский сошествия / святаго духа червонныхъ два/десять. / В монастырь минский
святыхъ / верховныхъ апостоль петра и / павла // (Л. 13 об.) павла червонныхъ двадесят. / В
монастырь дисенский червон/ныхъ пять. / В монастырь миорский иже
въ / друи червонныхъ золотыхъ / пять. / Вся яже в киевъ отчетше / послати нимъ извѣстнымъ / 85
преподобнѣйшему господину отцу / архимандриту печерскому, / и просити его преподобие /
да по росписке изволитъ / роздати. А яже в литву и на бѣлую / россию, та вся отдати
пре/подобнѣйшему отцу игумену / монастыря полоцкаго богоявлен/скаго,
и молити его препо/добие да потщится роздати / противу росписки. / В богадѣ // (Л. 14) В 90
богадѣли роздати рублевъ / десять. / В тюрьмы рублевъ десять. / Брату моему родному иоанну /
петровскому иже обитаетъ / в кювнѣ, червонныхъ золо/тыхъ сто. / Брату же моему родному лу/кѣ
петровскому писарю гра/да полоцка червонныхъ зо/лотыхъ сто. /
Племяннику моему михаилу си/лвестровичу при мнѣ живше/му рублевъ сто. ему же ло/шадь со 95
всѣмъ, мѣдъ, и цы/на вся, и килимы два, и / сребро что ся останеть. / Матери его ирине
афонасов/нѣ рублевъ десять. / Челя // (Л. 14 об.) Челади моей выше заслуженного / дати по рублю.
/ Прочия вещи по разсуждению / раздати между братиею / и на нищия. / Книги руския и
полския отда/ти в монастырь полоцкий бого/явленский. / Заставы аще кия обрящу/тся у мене, 100
отдавати туне. / Денги Филиппа тарасова у ме/не в положении червонныхъ зо/лотыхъ двадесять
слишком. / ефимковъ нѣколько, при них / мое есть писемце, отдати / ему вѣдлости. / На вся же
раздаяния обрѣта/ется у мене денегъ готовыхъ. / Червон // (Л. 15)
Червонныхъ золотыхъ шесть / сотъ. копейками рублевъ се/дмь сотъ. / Особно росхожихъ 105
мешекъ не/цѣлый вынялъ из него рублевъ / четырдесятъ. / Устроителю сего стяжания / моего
преподобнѣйшему господину / отцу амвросию архимандриту / богоявленскому отписую
рублевъ / тридесять, и шубу свою куню. / Второму устроителю честно/му
отцу силвестру агафонико/вичю возлюбленному ученику / моему рублевъ тридесять. / и шубу лисью, 110
и писма моя. / Книги моихъ грѣшныхъ / трудовъ. объѣдъ душевный. / и вечера душевная. будутъ /
во цѣркви всемилостиваго спаса / за ико // (Л. 15 об.) за иконнымъ рядомъ, да и по /
преставлении моемъ чтутся во / храмъ божиемъ. / Книга моихъ же
трудоу въ/нещѣ въры да вручится препо/добнѣйшему отцу силвестру / архимандриту савинскому. 115
/ ему же червонныхъ золотыхъ / десять. / Сиде убо о моемъ стяжа/нии устроение по моемъ от се/
го мира отшествии имѣти / желая. молю возлюбленнаго / благодѣтеля моего препо/добнѣйшаго
господина отца амвро/сия архимандрита
богоявлен/скаго. и прелюбезнаго сожи/теля и ученика моего силве/стра агафониковича. да якоже / 120
живу мнѣ бывшу и любовь / свою являли: тако и по / преставлении моемъ не отрекутъ / ея, //
(Л. 16) ея, пачеже совершать ради са/мого бога и спасения души сво/ея, и да благоволятъ сие мое
и/мѣнище, получивше благослове/ние от святѣйшаго патриарха при/яти
во строение свое, и раздая/ти по моему послѣдния во/ли написанию. / А труды ваша и любовь яже / 125
явите всяческими благими / душевными и тѣлесными воз/дасть вамъ всещедрая де/сница
вышняго. / Ащеже кто дерзнетъ пре/пятие нѣкое исполнению во/ли моя творити, или коимъ /
либо обычаемъ пакостити, / да мститъ ему десница вы/шняго в семь и
будущемъ / вѣце. / Посихъ вся вы молю со / слезами, да помолитесь о ду/шѣ // (Л. 16 об.) моей 130
грѣшней господеву оеже / простити ми согрѣшения моя. / Ащеже кого оскорбихъ, все/смирненно
прошу прощения, / еже аще ми даруете вамъ / отецъ небесный оставитъ со/грѣшения ваша. к нему
же / азъ отходя душею оная / словеса бога слова

135 с надеждою / возглашаю: отче в руцѣ твоѣ, / предаю духъ мой. / Вамъ же оставшимъ многихъ /
 лѣтъ и здравия по внутренне/му и внѣшнему челоѡку усердно / желаю. / Писася
 сия духовная в царь/ствующемъ и богоспасаемомъ / граде москвѣ, въ лѣто от / создания
 140 мира, 7187. году. / а от рожества еже по плоти христа / бога нашего. 1679, месяца / мар // (Л.
 17) марта въ, 14 день. / Писаль симеонъ петровский / ситняновичъ, иеромонахъ / недостойный
 рукою / своею. //

Строка 3: азъ есмь земля и пепель — слова Авраама (Быт 18: 27). Этот стих, так же как и разнообразные его перифразы, были широко распространены в духовных грамотах духовных особ (см., например: Тестамент блаженной памяти отца Авксентия, игумена гусинского // Бодянский О. Летописец о первом зачатии и создании святыя обители монастыря Густынского в лето бытия мира 7108, от воплощения же бога слова тысяща шестисотное. М., 1848. С. 54; Белокуров С. А. К биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского // Христианское чтение. 1866. № 3–4. С. 613).

Строка 3: яко цвѣтъ увядаетъ... — цитата из Утрени в субботу из Троицы Постной, восходящая к Пс 102: 12–15.

Строка 6: непоминахъ послѣднихъ, смерти... — восходит к Сир 7: 39 (см.: Белокуров С. А. К биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского. С. 612).

Строка 9: чадо восприялъ еси — слова Авраама (Лк 16: 25).

Строка 15: аще нищету при пострижений — речь идет об обете нестяжания.

Строки 16–17: беззакония моя азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну — Пс 50: 5.

Строка 24: давидъ, манагий, мытарь, блудница — покаявшиеся грешники (см., например: Мф 21: 28–32, Лк 23: 40–43, Мк 2: 25).

Строка 27: монастыря полотцкаго святыхъ богоявлении господнихъ — Полоцкий Богоявленский монастырь (основан в 1582 г.), в котором Симеон принял постриг в 1656 г.

Строка 28: здравъ сый милосердиемъ божиимъ и разума цѣлое и совершенное имея употребление — стандартная формула (см.: Литвина А. Ф. «Своим целым умом»: пути проникновения формулы в восточнославянские документы // Балто-славянские исследования. М., 1979. С. 570–583).

Строки 31–32: духовницу, или тестаментъ — термины для обозначения духовной грамоты, завещания.

Строка 32: рукою моею — см. строка 104.

Строка 50: при храмѣ ближайшемъ жилища моего — речь идет о Заиконоспасском монастыре на Никольской улице в Москве (основан в начале XVII в.). По указанию царя Алексея Михайловича, Симеон жил на территории этой обители, где специально для него был построен отдельный дом (см.: Ковалев А. Историческое описание Заиконоспасского монастыря в Москве. М., 1887. С. 10–12).

Строка 50: идѣже самъ господь извѣститъ имущимъ е гробу предати — формула указания места погребения (см.: СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 135. № 9. Л. 1. Список 1680–1690-х годов. Публ.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 45).

Строка 63: червонныхъ золотыхъ — сбережения Симеона хранились в разной монете — серебряных рублѣхъ копейками и червонныхъ золотыхъ. Червонные золотые, также называемые дукатами или «угорскими» (венгерскими) золотыми, представляли собой иностранную золотую монету, не использовавшуюся на Руси в качестве платежного средства. В XVII в. червонные золотые участвовали в накоплении сокровища, служили в качестве вкладов в храмы и монастыри, а также в качестве источника драгоценного металла — червонные золотые зачастую переливали и использовали для золочения икон, утвари и т. д. «Курс» такого червонного золотого в 1670–1690-х годах (на территории Украины) составлял 1 рубль 20 копеек (см.: Котляр М. Ф. Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV–XVII ст. Киев, 1981. С. 239).

Строка 65: монастырь печерский — Киево-Печерская Лавра в Киеве (основан в 1051 г.). Корреспондентами Симеона из Киевского Печерского монастыря были архимандрит Иннокентий Гизель (1600–1683) (см.: РГАДА Ф. 381. № 390. Л. 107, 110; ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 107–107 об., 111–111 об., 112; РНБ. Ф. XVII. 83. Л. 186 об.).

Строки 65–66: братцкии монастырь киевский — Киевский Братский Богоявленский монастырь в Киеве на Подоле (основан в XVI в.), также называемый училищным. Симеон вел активную переписку с игуменом этого монастыря Лазарем Барановичем (1616–1693, игумен с 1650 г.) (см.: РНБ. Ф. XVII. 83. Л. 17 об., 28, 32, 35, 43 об., 65, 90 об. — 91, 187 об. — 188, 330–330 об., 332; ГИМ. Синод. собр. № 130. Л. 75–75 об., 76 об. — 77, 79 об. — 80 об., 86 об. — 87, 96; РГАДА. Ф. 381. № 390. Л. 107 об.).

Строки 67–70: софійский, николский, михайловский, кириловский, выдубитцкии, печерский девический, троицкии иже в печерскомъ, ерданский дѣвический, михайловский дѣвический иже, у флора лавра —

Софийский монастырь в Старом Киеве; Пустынный Николаевский монастырь в Киеве (с XV в., игуменом с 1652 по 1656 г. был Иннокентий Гизель); Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве (основан в XI в.); Кирилловский монастырь в Киеве (возобновлен в XVII в.; игуменом с 1650 по 1652 г. был Иннокентий Гизель; до 1657 г. игуменом был Лазарь Баранович); Выдубицкий Михайловский монастырь в Киеве (основан в 1069 г.); Печерский женский монастырь (дата основания неизвестна); Киево-Троицкий монастырь в Киеве (дата основания неизвестна); Иорданский женский монастырь в Киеве на Плоском (существовал в XVI—XVIII в.); Флоровский Вознесенский женский монастырь в Киеве на Подоле (до 1710 г. Флоровский монастырь).

Строка 72: межигорский монастырь — Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (возобновлен в XVII в.).

Строка 73: монастырь мгарский рублевъ двадесять — Мгарский Спасо-Преображенский монастырь около Лубен (основан в 1624 г.) (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 928).

Строка 73: монастырь густынский — Густынский Троицкий монастырь в Прилуках (основан в 1600 г.) (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 938).

Строки 74—75: монастырь кутеенский, монастырь кутеенский же девический — Богоявленский Кутеинский монастырь в городе Орше, Белоруссия (основан в 1620 г.); Успенский Кутеинский монастырь в городе Орше, Белоруссия (основан в 1631 г.).

Строка 64: монастырь витепский марковский — Витебский (Марковский) Свято-Троицкий монастырь, город Витебск, Белоруссия (основан в 1646 г.) (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 502).

Строка 77: монастырь николски идъже обитають грекове — Николо-Греческий монастырь в Москве, в Китай-городе, на улице Никольской (основан в XIV в.), в котором обычно останавливались путешественники из Греции и Византии.

Строка 78: новодѣвичь монастырь — Новодевичий монастырь в Москве (основан в 1525 г.) (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 224).

Строка 81: монастырь виленский сошествия святаго духа — Виленский Свято-Духов монастырь в Вильне (основан в XVI в.).

Строка 82: монастырь минский святыхъ верховныхъ апостоль петра и павла — Минский Петропавловский монастырь.

Строка 84: монастырь дисенский — у П. М. Строева указаны Дисненский монастырь и два Дисенских; возможно, Симеон имеет в виду Воскресенский мужской монастырь в городе Диснее, основанный в XIII в. (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 506, 546).

Строка 84: монастырь миорский иже въ друи — Миорский монастырь в Друе Витебской области, Белоруссия, основан в 1644 г. Севастьяном Святополк-Мирским.

Строки 86—87: господину отцу архимандриту печерскому — скорее всего, речь идет об одном из корреспондентов Симеона Иннокентии Гизеле, который был архимандритом Киевского Печерского монастыря с 1675 по 1685 г.

Строки 87, 90: да по росписке изволить роздати; да потщится роздати противу росписки — во всей вероятности, речь идет о виде сопроводительного документа, прилагаемого к завещанию, — так называемых росписях (registr в польскоязычных завещаниях (см.: *Духовное завещание митрополита киевского Ипатия Потей // Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильна, 1908. Т. 3. С. 182*), в которых детализировалась «материальная» распорядительная часть. Такая роспись приложена к духовной грамоте думного дворянина В. Я. Голохвастова, написанной 6 декабря 1678 г. (см.: *ГИМ. Ф. 401. № 18. Л. 29. Публ.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 195*).

Строка 100: Заставы аще кия обрящутся у мене, отдавати туне — денежные залого отдавать бесплатно, беспроцентно.

Строка 101: денги филиппа тарасова у мене в положении — у Симеона находились на сохранении деньги некоего Филиппа Тарасова.

Строка 102: ефимковъ нѣколико — ефимки, серебряные талеры, курс которых равнялся 64 копейкам после реформы 1654—1663 г. В 1655 г. ефимками стали называть новые серебряные рубли; в этом же году появились и так называемые «ефимки с признаком» — надчеканенные серебряные талеры, которые также приравнивались к 64 копейкам.

Строка 108: преподобнѣйшему господину отцу амвросию архимандриту богоявленскому — архимандрит с 1675 по 1685 г. (см.: *Стров П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Стб. 176) Богоявленского монастыря в Москве, в Китай-городе.

Строка 111: и писма моя — рукописи (см.: *Николаев С. И.* Польская поэзии в русских переводах (XVII—XVIII вв.). Л., 1989. С. 3—29).

Строка 112: обѣдъ душевнѣй и вечера душевная — два сборника проповедей Симеона, «Обед душевнѣй» (составлен в 1675 г.) и «Вечера душевная» (составлена в 1676 г.), были напечатаны в Московской Верхней типографии в 1681 и 1683 г. соответственно.

Строка 115: вѣнецъ вѣры — богословское сочинение Симеона «Венец веры кафолическия» (1670 г.).

Строка 115: отцу силвестру архимандриту савинскому — Сильвестр Чернецкий (ум. 1706 г.), уроженец Полоцка, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде.

Строка 124: получивше благословение от святѣйшаго патриарха — во многих завещаниях светских лиц содержатся явочные записи — свидетельства о том, что завещания были предъявлены митрополиту, архиепископу или патриарху и «заверены» ими (см., например: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Туле. № 657/ 37795. Б/п (на 11 л.). Л. 9 об. Список 1642 г. Публ.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. С. 63; или РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 6001. Л. 154 об. Список 1651 г. Публ.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. С. 268). Для того чтобы завещание могло считаться «юридическим документом», было также необходимо наличие послухов-свидетелей и писца, который фиксировал «изустную память», то есть текст завещания, в письменном виде (писцом мог быть монастырский служка или подьячий (см., например: СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 135. № 9. Л. 1—3. Публ.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. С. 46; или РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Вологде. № 580/38463. Л. 225—230. Публ.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. С. 360). Напротив, в завещаниях игуменов, митрополитов, патриархов нет ни явочных записей, ни перечня свидетелей.

На период составления Симеоном своего завещания (1679 г.) патриархом Московским и всея Руси был Иоаким (1674—1690 г.).

Строка 127: Ащеже кто дерзнетъ препятіе... — формула предостережения от невыполнения воли завещателя (ср.: *Белокуров С. А.* К биографии Павла, митрополита Сарского и Подонского. С. 618).

Строка 135: отче в руцѣ твоѣ, предаю духъ мой — цитата из Лк 23: 46.

Строки 138—139: Симеон указывает датировку как от Рождества Христова, так и от сотворения мира. Духовные грамоты служилых землевладельцев, например, датируются преимущественно от сотворения мира (см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. С. 46, 63, 69 и т. д.).

